

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'253

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78

К ВОПРОСУ О КОМПРЕССИИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

Марклен Эрикович Конурбаев¹,
Эльвира Рустемовна Ганеева²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

*Для контактов: marklen@konurbaev.ru, ellevira.ganeeva@gmail.com

Аннотация. В современном переводоведении речевую компрессию принято изучать как лингвистический приём или как стратегию перевода, но при этом не учитывается когнитивный процесс, который, по мнению авторов, основывается на подборе функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии пересечения культурных концептов в данных языках. Целью статьи является рассмотрение речевой компрессии в разных видах дискурса в синхронном переводе с учётом прагматической ориентированности. Для достижения поставленной цели авторы приводят краткий обзор исследований, способствующих изучению компрессии в дискурсивном аспекте; исследуют лингвистические предпосылки для осуществления компрессии; рассматривают компрессию с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. На примере анализа переводов разных видов дискурса разрабатывается модель когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода с опорой на совпадения в культурных концептах двух языков. Выстраиваются два основных принципа перевода: принцип репродукции (reproduction) предполагает детальное воспроизведение всех элементов исходного сообщения, а принцип замены (replacement) позволяет подобрать другой вариант перевода, подходящий по коммуникативной интенции, со схожими функциональными характеристиками. Для того, чтобы найти соответствия между культурными концептами, переводчику необходимо хорошо ориентироваться в культурной системе

координат обоих языков в рамках определённого дискурса. Компрессия может происходить на более низком уровне понимания исходного сообщения за счёт опущения избыточных элементов и замены их более ёмкими лексико-синтаксическими средствами с сохранением информационной значимости сообщения. На более высоком уровне понимания, затрагивающем культурные концепты и язык мышления, компрессия осуществляется за счёт подбора уже готовых и, как правило, ёмких функциональных эквивалентов, существующих в языке перевода.

Ключевые слова: устный перевод, синхронный перевод, компрессия, когнитивная лингвистика, дискурс, прагматика

Для цитирования: Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. К вопросу о компрессии в синхронном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 59–78. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78

Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.12.2022;
принята к публикации 15.02.2023.

COMPRESSION IN SIMULTANEOUS INTERPRETING IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Marklen E. Konurbaev¹, Elvira R. Ganeeva²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

For contacts: marklen@konurbaev.ru, ellevira.ganeeva@gmail.com

Abstract. In modern translation studies, compression has come to be regarded as a linguistic operation, as a translation strategy. However, the cognitive process that underlies compression has not been taken into consideration. The authors believe that compression is based on selecting a functional equivalent to the source message, provided that the cultural concepts in both languages overlap. The article aims at studying compression pragmatically in various types of discourse in the process of simultaneous interpretation. To reach this goal the authors provide an overview of the previous research that facilitates the analysis of compression from the point of view of discourse; study the linguistic basis of compression; and analyze compression from pragmatic and cognitive perspectives. As a result, a model is proposed which presupposes a cognitive selection of a functional equivalent to the source message based on overlapping cultural concepts in two languages.

Two principles of interpretation are analyzed: the principle of reproduction is based on a thorough reproduction of all the elements that make up the source message, while the principle of replacement involves selecting a communicatively adequate variant of interpretation that would perform similar functions in the given context. In order to establish correlations between cultural concepts an interpreter has to be well-versed in cultural coordinates system of both languages within a certain discourse. On a lower level of understanding compression is limited to omitting redundant elements and replacing them with more concise versions, lexically and/or syntactically, while preserving the informative components of the message. On a higher level of understanding that appeals to the cultural concepts and the language of thought (mentalese), compression involves selecting a ready-made functional equivalent that already exists in the target language and is normally more concise in form.

Keywords: interpretation, simultaneous interpretation, compression, cognitive linguistics, discourse, pragmatics

For citation: *Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. (2022). Compression in simultaneous interpreting in different types of discourse. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 59–78. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78*

The article was submitted November 28, 2022;
approved after reviewing December 25, 2022;
accepted for publication February 15, 2023.

Введение

Вопросом компрессии в синхронном переводе занимались Г.В. Чернов, И.А. Зимняя, А.Ф. Ширяев, А.Д. Швейцер, А.А. Леонтьев, Р.К. Миньяр-Белоручев, С.Б. Бенедиктов и др. При этом внимание исследователей было направлено на такие аспекты деятельности переводчика, как режим одновременного восприятия и говорения, речевая деятельность, память, психологические процессы, задействованные во время синхронного перевода, в особенности механизм вероятностного прогнозирования. С развитием переводоведения меняется и понимание компрессии: лингвистического приёма, стратегии перевода до глубинного когнитивного процесса, который, на наш взгляд, основывается на подборе функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии совпадения в культурных концептах и ментальности народов, говорящих на данных языках.

Вопрос о том, каким образом осуществляется компрессия в зависимости от типа дискурса, остаётся открытым, так как на данном этапе развития переводоведения ещё не проводилось системное исследование компрессии с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. Тем не менее, ответ на данный вопрос чрезвычайно важен, поскольку он определяет базовые понятия профессии переводчика-синхрониста.

Компрессия в лингвистике и переводоведении

Компессию в переводоведении принято изучать с точки зрения производимых при переводе лингвистических операций. Так, Р.К. Миньяр-Белоручев рассматривает речевую компрессию как один из методов трансформации исходного текста, наряду с лексическими и грамматическими трансформациями, с тем отличием, что целью данной операции является «не только упростить текст, подлежащий переводу, но и уменьшить его слоговую величину» (Миньяр-Белоручев, 1996: 171). То есть компрессия выступает в качестве подготовительного этапа для перевода.

В литературе по синхронному переводу большое внимание уделено избыточности речи как ресурсу для компрессии, за счёт которого в синхронном переводе, по словам Г.В. Чернова, «неизбежно происходит сжатие речи оратора» с учётом темпа и стиля его речи (Чернов, 1969: 55). Другие исследователи делали предположение о том, что уровень избыточности в 60–70% может считаться универсальным свойством языка в целом (Ахманова и др., 1961: 134). При этом информативная нагрузка исходного сообщения приходится на 35% языковых единиц (Чернов, 1978: 24).

Г.В. Чернов выделяет лексическую компрессию, под которой понимается более экономное употребление лексики, и синтаксическую компрессию за счёт рационализации синтаксиса выходного сообщения, в первую очередь — устранения синтаксического буквализма (Чернов, 1969: 60). Соглашаясь с автором, полагаем, что при осуществлении компрессии чрезвычайно важно также учитывать прагматическую составляющую коммуникативной ситуации.

В свою очередь избыточность, по мнению А.Ф. Ширяева, может проявляться «в последовательности речевых сигналов», которые «дублируют друг друга и повышают надёжность процесса коммуникации до очень высокого уровня» (Ширяев, 1979: 83). В ситуации дефицита времени переводчик вправе пожертвовать некоторыми дублирующими элементами с целью сокращения отставания от оратора.

При этом, как справедливо отмечает И.В. Полуян, сложно говорить о компрессии выходного сообщения, поскольку во время работы синхрониста выходного сообщения, в его законченном виде, ещё не существует (Полуян, 2011: 5). Следует говорить о наиболее экономном оформлении выходного сообщения, которого можно добиться с помощью определённых языковых средств (Там же: 5).

Основываясь на исследованиях вышеназванных авторов, В.В. Сдобников приходит к выводу, что компрессия представляет собой экономное оформление выходного сообщения, обеспечивающее уменьшение слоговой величины текста перевода по сравнению со слоговой величиной оригинала (Сдобников, 2016: 126).

Решая вопрос о предпосылках компрессии, В.В. Сдобников выделяет три группы факторов, которые определяют способы компрессии:

- 1) системно-обусловленные, т.е. факторы, связанные с различиями в структурах языков;
- 2) тексто-обусловленные факторы, которые зависят от самого переводимого текста;
- 3) ситуативно-обусловленные, т.е. факторы, отсылающие реципиента к экстралингвистической ситуации, которая им хорошо знакома (Сдобников, 2016: 128–130).

Системно-обусловленные средства компрессии, по мнению автора, используются опытным переводчиком в основном автоматически, и его усилия направлены на устранение интерференции языка оригинала. К тексто-обусловленным факторам компрессии В.В. Сдобников относит элементы избыточности текста и логические связки, которые могут быть не вербализованы, например, в английском языке. Ситуативно-обусловленная компрессия также связана с опущением семантически избыточных элементов текста оригинала в силу известности ситуации всем присутствующим (Сдобников, 2016: 130).

В своей классификации В.В. Сдобников уделяет внимание факторам коммуникативной ситуации, поскольку синхронный перевод, как правило, протекает в ситуации, в которой спикер адресует своё выступление определённой аудитории в конкретный момент времени в заданных условиях.

Рассматривая компрессию с прагматической точки зрения, И.В. Зубанова отмечает, что «компрессия — это один из способов решения не столько структурных, сколько смысловых, то есть коммуникативных и функциональных, задач в ходе перевода» (Зубанова, 2017: 44).

Полагаем, что компрессия в синхронном переводе осуществляется на базе трёх факторов: коллигации, коллокации и прагматической ориентированности.

О.С. Ахманова определяет коллокацию как лексико-фразеологическую обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии (Ахманова, 2004: 195). Основной характеристикой коллокации выступает её комбинаторность, или совместная встречаемость (co-occurrence) слов, которая легко идентифицируется в процессе синхронного перевода. Ещё одним компонентом, позволяющим применить компрессию в переводе, является коллигация, правила синтаксической связности или грамматико-синтаксической сочетаемости. О.С. Ахманова даёт следующее определение термину коллигация: «морфосинтаксически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» (Ахманова, 2004: 195). Переводчик должен учитывать, что нарушение коллокации предполагает нарушение узуса, а нарушение коллигации — это уже нарушение языковой нормы.

В устном переводе необходимо решить проблему границы языковых единиц. Переводчику для понимания речи оратора необходимо заранее знать большинство её составных частей, то есть воспринимать её составные части как воспроизводимые единицы. По мнению А.И. Смирницкого, это осуществляется благодаря их отождествлению со знакомыми единицами (Смирницкий, 1954: 3–49). В данном случае возникает вопрос о возможных различиях между конкретными ситуациями воспроизведения одного и того же слова: при каких условиях различия между ними совместимы с тождеством слова, а при каких — несовместимы. Лексико-семантическая вариативность носит системный характер и находит отражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами.

При этом ключевой задачей переводчика остаётся верная передача смысла. А.В. Бондарко относит к речевому смыслу «ту информацию, которая передаётся говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» (Бондарко, 1978: 95).

Если исходное сообщение морфологически построено таким образом, что в нём доминируют глаголы, существительные и смысловые связи, то оно успешно поддаётся компрессии. Если же оратор переходит к описанию и использует большое количество эпитетов и сравнений, то переводчик вынужден вплотную следовать

оригиналу в попытке создать аналогичный описательный образ, поскольку осуществлять компрессию материала, который разнообразен в языковом плане, — чрезвычайно сложная задача.

С другой стороны, если структура исходного текста представляет собой повествование, обладающее определённой динамикой, то у переводчика появляется больше свободы для осуществления компрессии, так как смысл сообщения легко вырисовывается с опорой на глаголы, существительные и связующие элементы. Данные опорные точки обладают большой вариативностью и могут быть скомпрессированы, в отличие от описательного жанра с избытком эпитетов.

Таким образом, предикативность исходного сообщения является ещё одним фактором успешной компрессии в синхронном переводе. Тогда как атрибутивность высказывания, под которой мы понимаем обилие прилагательных и эпитетов, представляется помехой для компрессии. Учитывая, что синхронный перевод требуется для определённых видов дискурса, в которых, как правило, эмоционально-экспрессивные элементы составляют наименьшую часть оригинала, переводчику следует применять методы компрессии с опорой на специфику данного дискурса.

В переводоведении принято анализировать компрессию путём сопоставления оригинала и перевода с точки зрения лингвистических трансформаций, которые претерпевает исходное сообщение в процессе перевода. Согласно традиционной классификации Г.В. Чернова, компрессия делится на слоговую, синтаксическую, лексическую и семантическую (Чернов, 1987: 147–149).

Опираясь на данную классификацию и метод сопоставления оригинала и стенограммы синхронного перевода, можно выделить использованные переводчиками лингвистические средства компрессии. Приведём в качестве примера более компактные варианты перевода, которые использовали синхронисты на Петербургском международном экономическом форуме:

в сфере цифровых технологий → *in IT*;

в ходе состоявшихся на полях форума встреч → *on the sidelines of the forum*;

смысл всех этих мер в том, чтобы создать → *we aim at providing*.

Более развёрнутая и подробная классификация средств речевой компрессии представлена в работе И.В. Полуяна «Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский». Автор выделяет лексические и синтаксические средства компрессии, но при этом отмечает, что некоторые

средства точнее было бы описать как семантико-синтаксические (метафоризация, номинализация, вербализация, адвербализация, адъективация) (Полуян, 2011: 9).

К лексическим средствам компрессии И.В. Полуян относит: «короткие слова» в английском языке; общеупотребительные слова и др. (Там же: 10–52). Синтаксические средства компрессии включают: эллиптические конструкции; назывные предложения; вспомогательный глагол вместо полного предиката при повторе; модель Subject — Verb — Object и её разновидности, сопровождающаяся семантико-синтаксическими процессами: номинализации, персонификации, вербализации, адвербализации, адъективации и др. (Там же: 52–98).

Отдельно И.В. Полуян рассматривает синонимические пары; пояснения для неспециалистов; повторы, парафразы, не несущие смысловой или стилистической нагрузки и другие избыточные элементы (Там же: 98–109).

По мнению И.В. Полуяна, для того чтобы «быть готовым использовать максимально короткий вариант слова, словосочетания или даже целого предложения, синхронист одновременно с прослушиванием ИС должен его мысленно редактировать, далеко отпуская вперед оратора» (Там же: 5).

Тем не менее, в условиях синхронного перевода у переводчика, как правило, нет времени анализировать языковые средства компрессии, подбирая наиболее ёмкий вариант. При этом описание лингвистических операций, происходящих в процессе компрессии, скорее относится к сфере письменного перевода, когда есть возможность сопоставить два сообщения и детально изучить их с точки зрения лексико-синтаксических трансформаций.

Если ставить в качестве цели выработку эффективных сценариев осуществления компрессии, которые могли бы упростить, а не усложнить работу устных переводчиков, то следует рассматривать компрессию в ракурсе когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. В данном контексте возникает вопрос о прагматической ориентированности перевода и об участниках коммуникативного акта, интересы которых играют важную роль при выборе того или иного варианта компрессии.

Компрессия в ракурсе лингвопрагматики

В условиях ограниченного времени переводчик-синхронист вынужден пожертвовать определёнными смысловыми единицами в угоду информационной ясности. Таким образом, языковой ряд отчасти теряет значимость, и с каждым словом теряется то, что

оратору представляется важным для достижения коммуникативной цели.

Поиск прагматически уместного способа компрессии детерминирован такими важными для коммуникации факторами, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата. Как подчёркивает А.Д. Швейцер, «коммуникативный эффект — это результат коммуникативного акта, соответствующий его цели» (Швейцер, 1988: 92). Сюда учёный относит понимание содержательной информации, восприятие эмотивных, экспрессивных, волеизъявительных и других аспектов сообщения (Там же: 92).

Как правило, переводчик стремится в первую очередь ориентироваться на коммуникативную интенцию оратора, и чем раньше ему удалось уловить смысл сообщения, тем эффективнее будет осуществлена компрессия в переводе. Вопрос состоит в том, какую именно информацию переводчик счёл коммуникативно-релевантной, какое место в формировании основной мысли говорящего составляют эмоционально-экспрессивные элементы, подлежащие компрессии, и насколько это будет оправдано в конкретной ситуации.

Как известно, процесс перевода предполагает комбинацию двух актов коммуникации: первичной коммуникации, где переводчик выступает в роли получателя сообщения, и вторичной (метакоммуникации), в которой он становится отправителем переводного сообщения (Швейцер 1988: 56–57). При этом, как подчёркивает А.Д. Швейцер, уже на этапе первичной коммуникации переводчик не просто истолковывает текст и коммуникативную интенцию говорящего, но и воспринимает его через призму другого языка и другой культуры, выделяя компоненты смысла, являющиеся ключевыми для определения стратегии перевода, к примеру, его функциональные доминанты (Там же: 57).

Рассматривая коммуникативную ситуацию синхронного перевода, необходимо также учесть ещё два компонента: это индивидуум, который произносит речь, и коллективный реципиент, то есть аудитория слушателей (Чернов, 1978: 139). А.Д. Швейцер также отмечает роль конечного получателя сообщения в процессе синхронного перевода: «подобно тому, как исходная коммуникативная интенция модифицируется в процессе вторичной коммуникации, коммуникативный эффект варьируется в конечном звене процесса двуязычной коммуникации в соответствии с характеристиками конечного получателя» (Швейцер, 1988: 147).

Таким образом, для обеспечения соответствия между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом переводчик

должен определить и передать в своём переводе функциональные доминанты исходного сообщения и при этом не забывать об ещё одном существенном факторе, влияющем на выбор метода компрессии, — степени подготовленности аудитории к восприятию определённой информации.

Так, к примеру, с учётом установки на получателя А.Д. Швейцер указывает на необходимость применения приёмов, направленных на передачу прагматических аспектов сообщения: замена реалий аналогами, уточняющее дополнение, интерпретирующий перевод, переводческие примечания и различные виды компенсирующего перевода (Швейцер, 1988: 172).

Таким образом, в синхронном переводе необходимо не только передавать информационный слой предложения, но и подстраивать перевод под потребности слушателя, учитывая его социальную, культурную принадлежность и фоновые знания. Исходя из этого понимания, переводчик строит свой дискурс — переводной. Таким образом, компрессию следует рассматривать не столько как лингвистическую операцию, но как глубокий процесс, рассматриваемый с позиций когнитивной лингвистики.

Компрессия с точки зрения когнитивной лингвистики

В повседневной жизни люди склонны руководствоваться крупными культурными концептами, которые служат своего рода ориентирами. С точки зрения когнитивной лингвистики, существует некий «город» устойчивых культурных концептов, в пределах которого мы живём.

Культурный концепт можно представить в виде дерева, в котором в рамках одного языка есть своя Система 1, где Концепт 1 будет разветвляться на несколько вариантов, а они в свою очередь на несколько подвариантов и т.д. А в другом языке существует Система 2 с дальнейшими разветвлениями. Таким образом, переводчик занимается сопоставлением систем культурных концептов в поисках совпадений и отличий. И при подготовке устных переводчиков следует обращать внимание не только на усовершенствование языковых навыков, но и на умение ориентироваться в большом «городе» крупных культурных концептов.

Полагаем, что компрессия — это в первую очередь работа со смыслом, а не подбор лексико-синтаксических средств. Оригинал, который воспринимает переводчик, представляет собой развёрнутое сообщение, в котором есть подлежащее, сказуемое, дополнение или другие структурные элементы. В сознании переводчика сообщение трансформируется в определённый вид, который может со-

держат визуальные, звуковые, лингвистические элементы. Набор всех элементов, которыми мы оперируем в сознании, составляет основу мышления. При этом иногда процесс концептуализации обходится без обращения к лингвистической оболочке, и в памяти сохраняются лишь яркие девербализованные образы, которые легче передать с помощью метафор, аллегорий и других экспрессивных средств (Konurbaev, 2018: 138).

Однако, прежде чем пытаться сформулировать выходное сообщение, переводчику предстоит «очистить» оригинал от его лингвистической формы, то есть мысленно представить смысл сообщения как некое пространство связей. Характер мышления устного переводчика не предполагает разворачивания всего сообщения в длинную лингвистическую цепочку с классическим синтаксисом. Он скорее мыслит элементами гештальта, которые далее транслируются во что-то иное (Ibid.: 205).

Теория существования отдельного языка мышления подробно описана в работах учёных, которые занимаются вопросами нейрофизиологии и формирования речи. Так, Дж. Фодор говорит о «языке мысли» (language of thought) (Fodor, 2008), Стивен Пинкер называет данный язык «мыслекодом» (mentalese) (Pinker, 2013).

На наш взгляд, язык переводчика — это и есть mentalese, и процесс «очищения» исходного сообщения представляет собой перевод обычного языка в язык мысли, «мыслекод». В силу ограничивающих обстоятельств синхронного перевода мышление устного переводчика должно быть мгновенным, оно не предполагает разворачивания мысли в полноценную лексико-синтаксическую цепочку.

Так, на первом этапе переводчику нужно выделить основной смысл сообщения, пропустив его через некий «фильтр» концептов, существующих в культурах рассматриваемых языков. Далее ему необходимо соотнести смысл, который был заложен в сообщении и теперь существует в максимально сжатом виде, и концепт, к которому он отсылает, с концептами ментальности носителей языка перевода на предмет их совпадения. И, наконец, переводчик должен выразить этот невербализованный посыл максимально коротко и понятно для данной аудитории в конкретной коммуникативной ситуации.

По-видимому, в каждой культуре существуют доменные константы, т.е. крупные домены, концепты (дом, семья, вера, любовь).

К примеру, когда в переводе встречается английская поговорка *Charity begins at home*, которая не имеет аналога в русском языке, перед синхронистом стоит непростая задача.

We all know that charity begins at home.

Переводчик может пойти по пути передачи информационной составляющей сообщения и просто перевести с разной степенью буквализма:

Благотворительность начинается дома.

Благодетель рождается дома.

Семья прежде всего.

Очевидно, что буквальный подбор средств выражения с точки зрения информационной составляющей, но не культурной, без обращения к экстралингвистическому контексту, не соответствуют коммуникативной интенции оратора. Он упоминает эту поговорку между делом, что указывает на общеизвестность и прозрачность этой фразы для аудитории, таким образом, вышеназванные варианты перевода не будут перекликаться с их родными концептами.

Переводчику следует в таком случае либо найти соответствующее выражение в русской культуре, либо попытаться обратиться к «библиотеке» ключевых концептов, которые хранятся в виде афористических высказываний, таких как заповеди, и сформулировать что-то схожее.

На наш взгляд, в данной ситуации подошёл бы следующий вариант, который апеллирует к культурным реалиям и в то же время является ёмким средством выражения схожей идеи:

Помоги ближнему.

Один и тот же концепт помощи ближнему, который восходит к Библии, в английском языке мог трансформироваться в поговорку *Charity begins at home*, а в русском языке сохранил прямую связь с Библией.

Таким образом, понимание смысла в процессе перевода протекает за пределами чисто лингвистической сферы и затрагивает глубокие когнитивные концепты, которые позволили бы донести ту же самую мысль для носителей языка перевода понятным для них способом. При сопоставлении культурных концептов, а не лингвистических единиц, мы начинаем понимать, каким образом происходит компрессия.

Полагаем, что для эффективной компрессии сообщения нужно найти уже готовый ёмкий вариант в языке перевода, а не создавать его во время перевода. При этом, безусловно, переводчик может «обыграть» всем известную фразу, приспособив её к коммуникативной ситуации в зависимости от вида дискурса. В связи с этим следует рассмотреть компрессию в дискурсивном аспекте, поскольку в зависимости от вида дискурса решаются вопросы о допустимости речевой компрессии.

Компрессия в дискурсивном аспекте

В.И. Карасик разделяет дискурс на два основных типа: персональный и институциональный. В контексте синхронного перевода интерес представляет именно институциональный дискурс, предполагающий общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, и его подвиды: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный и др. (Карасик, 2000: 5–20). Для каждого конкретного типа дискурса автор предлагает рассмотреть следующие компоненты: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы (Там же: 5–20).

Учитывая многообразие компонентов, составляющих каждый из типов дискурса, синхронный переводчик будет опираться на разные стратегии перевода и применять иные способы компрессии при переходе от одного дискурса к другому. К примеру, при переводе мотивационной речи требуется один вид компрессии с сохранением всех эмоционально-экспрессивных элементов, а при переводе выступления в медицинском дискурсе — другие виды компрессии с учётом точности передачи терминологии.

При этом переводчику необходимо понимать, по какому принципу осуществлять перевод того или иного типа дискурса.

Полагаем, что процесс перевода можно проанализировать с точки зрения двух базовых принципов: репродукция (*reproduction*) и замена (*replacement*). Первый принцип перевода — репродукция — предполагает воспроизведение исходного сообщения на языке перевода с сохранением всех лексических единиц и синтаксических особенностей оригинала. Второй — замена — позволяет подобрать из «языка мысли» (*mentalese*) другой вариант перевода, подходящий по коммуникативной интенции, со схожими функциональными характеристиками.

В процессе устного перевода происходит взаимодействие принципов замены и репродукции. Если у переводчика есть время, то есть и возможность развернуть сообщение максимально полно, то есть следовать принципу репродукции. Когда же встречаются идиоматические выражения, то приходится обращаться к принципу замены, учитывая при этом культурные концепты и другие экстралингвистические факторы.

При переводе политического дискурса, помимо владения терминологией и фоновыми знаниями, переводчику также необходимо руководствоваться принципом замены:

The prime minister held a 90-minute cabinet meeting on Tuesday in which she warned ministers that “difficult decisions” lay ahead. The chancellor, Jeremy Hunt, told them “everything is on the table” as he strives to find tens of billions of pounds in savings after ditching Truss’s economic plan. Health, education and welfare are among those areas expected to be hit. — Премьер-министр провела полтора часовое заседание кабинета министров во вторник. Она объявила, что им предстоят «сложные решения». Глава Минфина, Джереми Хант, наказал «ничего не упускать из виду» в попытке выделить десятки миллиардов фунтов после провала экономического плана Лиз Трасс. Медицина, образование, соцобеспечение также пострадают.

В данном примере очевидно использование образного выражения *everything is on the table*, смысл которого сводится к тому, что всё должно быть подвергнуто обсуждению за столом переговоров. Для русскоязычной аудитории можно подобрать похожее выражение по принципу замены: *ничего не упускать из виду*. К компрессии здесь также можно отнести *полтора* часовое заседание (*90-minute meeting*), *предстоят* (*lay ahead*), глава Минфина (а не канцлер казначейства), *выделить* (*find ... in savings*).

В другом примере, взятом из синхронного перевода выступления на экономическом форуме в Давосе, переводчик использует принцип замены для перевода выражения *a new year resolution*:

And you are absolutely right, we have to be data driven and we have to be flexible, so if I were to use the fact that still in January and offer policy makers a new year resolution, it would be policy flexibility. — Я с вами согласна, в таком контексте необходимо проявлять гибкость и опираться на конкретные данные. **Что я могу всем нам пожелать на ближайший год** — гибкость, гибкость принятии решений о политических мерах.

В русской культуре нет устоявшейся традиции писать в канун нового года обещания самому себе, поэтому при переводе следует обратиться к концепту новогодних пожеланий, который будет понятен всем русскоязычным слушателям перевода. В данном случае принцип замены дополняет основной принцип репродукции при переводе экономического дискурса.

Таким образом, выстраиваются два основных принципа перевода. Принцип репродукции предполагает детальное воспроизведение всех элементов исходного сообщения. Данный принцип описывает в первую очередь письменный перевод.

Второй принцип основан на замене, когда акцент делается не на состав, а на функциональную направленность сообщения, в результате чего лингвистическая оболочка оригинала заменяется на другую при условии пересечения между культурными концептами двух языков. Для того чтобы найти соответствия между культурными концептами, переводчику необходимо хорошо ориентироваться в культурной системе координат данного языка в рамках определённого дискурса, которая может относиться к определённой профессиональной сфере.

Мы применили данную модель когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения для перевода английской пословицы:

Charity begins at home — Помоги ближнему.

В данной коммуникативной ситуации важную роль играли не лингвистические особенности исходного сообщения, а общий смысл и функциональная ориентированность сообщения на уровне системы координат культуры в целом. Таким образом, перевод был осуществлён по принципу замены.

В рамках публичного дискурса, где значительную роль играет взаимодействие с аудиторией, оратор может использовать юмор, слова и фразы из разного регистра, активно использовать мимику и жесты, чтобы вызвать у слушателей определённые эмоции.

Юрий Никулин, артист и директор цирка, в своём выступлении с призывом достойно финансировать цирк говорит следующее:

Человек-то может полуголодный работать, а этот... тигр не пойдёт. Вот. В общем-то был полуграмотный вождь, а сообразил. Сообразил. — A half-starved person can work, but a tiger will not. So, even our half-literate leader got that, you see.

В английском языке сложно подобрать такое же ёмкое и широко используемое выражение, как русское прилагательное *полуграмотный*. Буквальные варианты *semi-literate* не обладает достаточной понятностью, *ignorant* будет звучать чересчур критично, особенно в сочетании со словом *вождь*, *leader*. Переводчику остаётся только попытаться обыграть шутку, основываясь на широко распространённой приставке *half-* и по аналогии с *half-starved* в предыдущей фразе.

Как видим, на практике чаще встречаются комбинированные варианты с взаимодействием обоих принципов — репродукции и замены.

К примеру, даже в медицинском дискурсе, изобилующем терминологией, где переводчик будет стремиться к максимальной точно-

сти с опорой на принцип репродукции, могут встречаться элементы, которые требуют замены из-за несоответствий в культурных концептах, которые могут привести к недопониманию:

*Конечно, рецепты народной медицины не вылечат вывих. Зато они могут помочь ускорить обменные процессы в травмированной области и унять боль. Для этой цели отлично подойдёт старинный народный рецепт — отвар **ягод бузины**. — Popular medicine recipes will not help of dislocation. However, they can accelerate metabolism and alleviate pain. For that purpose a decoction of **local berries** can be useful.*

В данном примере очевидно, что переводчик мог и не вспомнить, как перевести *бузина* на английский, поскольку данная информация не была коммуникативно релевантной, поэтому решил заменить на обобщение — «местные ягоды».

Полагаем, что в разных типах дискурсах в синхронном переводе один и тот же речевой оборот может по-разному подвергаться компрессии в зависимости от коммуникационных задач и прагматической ориентированности сообщения.

При этом следует учитывать существенные изменения, которые произошли в сфере коммуникации за последние десятилетия. Человечество стало общаться более активно, в результате чего поле дискурса существенно расширилось. Синхронный перевод используется в самых разных видах дискурса благодаря развитию современных технологий. Изменившийся характер коммуникации требует более детального исследования вопроса об обеспечении границ новой коммуникационной среды с новыми каналами коммуникации.

Заключение

Избыточность языка в целом и в рамках определённого вида дискурса позволяет переводчику распознавать смысл по ключевым опорным пунктам и успешно компрессировать сообщение на языке перевода. Полагаем, что в процессе синхронного перевода разных видов дискурса компрессия одной и той же языковой единицы может осуществляться различными способами на основе модели когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии совпадения в культурных концептах и ментальности народов, говорящих на данных языках.

Компрессия может происходить на более низком уровне понимания за счёт опущения избыточных элементов и замены их более ёмкими лексико-синтаксическими средствами с сохранением ин-

формационной значимости сообщения. На более высоком уровне понимания, затрагивающем культурные концепты и язык мышления, компрессия осуществляется за счёт подбора уже готовых и, как правило, ёмких функциональных эквивалентов, существующих в языке перевода.

В качестве перспектив для дальнейшего изучения можно выделить необходимость сформулировать основной принцип компрессии в синхронном переводе, подходящий к разным видам дискурса. На базе данного принципа разрабатываются методы и инструменты речевой компрессии для разных типов дискурса, благодаря которым студент или начинающий переводчик сумеет выстроить алгоритм компрессии, позволяющий находить нужный оборот речи с максимальной быстротой. При этом компрессированная единица должна отвечать требованиям ёмкости смысла, воспроизводимости и прагматической ориентированности.

Список литературы

Ахманова О.С., Мельничук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка: (О так называемой «матем. лингвистике»). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 162 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едириал УРСС, 2004. 571 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. М.: Наука, 1978. 176 с.

Зубанова И.В. Просто убавь воды. О компрессии в синхронном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2017. № 2 (54). С. 43–53.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. Л.: Наука, 1968. 116 с.

Полуян И.В. Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2011. 112 с.

Сдобников В.В. Средства компрессии в синхронном переводе с русского языка на английский // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2016. Т.11. № 4. С. 125–137.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1954. Т. 4. С. 3–49.

Чернов Г.В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема // Тетради переводчика. Вып. 6, 1969. С. 52–65.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Fodor J.A. (2008) LOT 2: The Language of Thought Revisited. Oxford University Press. 228 p.

Konurbaev M. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech. Palgrave Macmillan. 234 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. (2006) Harlow: Pearson Education Limited. 1950 p.

Pinker S. (2013) Language, Cognition and Human Nature: Selected Articles. Oxford University Press. 378 p.

References

Akhmanova O.S. (2004) Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ. 571 p. (In Russian).

Akhmanova O.S., Melnichuk I.A., Paducheva E.V., Frumkina R.M. (1961) O tochnykh metodakh issledovaniya yazyka: (O tak nazyvayemoy "matem. lingvistike") = On precise methods of language study (on the so-called "mathematical linguistics"). Moscow: Moscow State Univ. Publ. 162 p. (In Russian).

Bondarko A. V. (1978) Grammaticheskoye znacheniyе i smysl = Grammatical meaning and sense. Moscow: Nauka Publ. 176 p. (In Russian).

Chernov G. V. (1987) Osnovy sinkhronnogo perevoda = Basics of simultaneous interpreting. Moscow: Higher school Publ. 256 p. (In Russian).

Chernov G. V. (1969) Sinkhronnyy perevod: rechevaya kompressiya — lingvisticheskaya problema = Simultaneous interpretation: speech compression as a linguistic problem. Tetradi perevodchika, issue. 6, pp. 52–65 (In Russian).

Chernov G. V. (1978) Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda = Theory and practice of translation. Moscow: International affairs Publ. 208 p. (In Russian).

Fodor J.A. (2008) LOT 2: The Language of Thought Revisited. Oxford University Press. 228 p.

Karasik V.I. (2000) O tipakh diskursa, Yazykovaya lichnost': institutional'nyy i personal'nyy diskurs = On types of discourse, linguistic identity: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena Publ., pp. 5–20. (In Russian).

Konurbaev M. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech. Palgrave Macmillan. 234 p.

Longman Dictionary of Contemporary English (2006) Harlow: Pearson Education Limited. 1950 p.

Minyar-Beloruhev R.K. (1996) Teoriya i metody perevoda = Theory and methods of translation. Moscow: Moskovskiy litsey Publ. 208 p. (In Russian).

Nelyubin L.L. (2003) Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' = Explanatory dictionary of translology. Moscow: Flinta: Nauka Publ. 320 p. (In Russian).

Pinker S. (2013) *Language, Cognition and Human Nature: Selected Articles*. Oxford University Press. 378 p.

Piotrovskiy R.G. (1968) *Informatsionnyye izmereniya yazyka = Informational dimensions of language*. Lenigrad: Nauka Publ. 116 p. (In Russian).

Poluyan I.V. (2011) *KompRESSiya v sinkhronnom perevode s angliyskogo yazyka na russkiy i s russkogo yazyka na angliyskiy = Compression in simultaneous interpreting from English into Russian and Russian into English*. Moscow: "R.Valent" Publ. 112 p. (In Russian).

Sdobnikov V.V. (2016) *Sredstva kompressii v sinkhronnom perevode s russkogo yazyka na angliyskiy = Means of compression in simultaneous interpreting from Russian into English, Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. Vol. 11. No. 4, pp. 125137 (In Russian).

Shiryayev A.F. (1979) *Sinkhronnyy perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda = Simultaneous interpreting: Interpreter's work and the methods of teaching simultaneous interpreting*. Moscow: Voenizdat Publ. 183 p. (In Russian).

Shveytser A.D. (1988) *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of translation: status, problems, aspects*. Moscow: Nauka Publ. 215 p. (In Russian).

Smirnit'skiy A.I. (1954) *K voprosu o slove (Problema "tozhdestva slova") = On the issue of word (the problem of "equality of words")*, Publications of Institute of Language Studies of Academy of Sciences of USSR. Vol. 4, pp. 3–49 (In Russian).

Zubanova I.V. (2017) *Prosto ubav' vody. O kompressii v sinkhronnom perevode = Just get rid of redundant information. On compression in simultaneous interpreting*, *Mosty. Zhurnal perevodchikov*. No. 2 (54), pp. 43–53 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Конурбаев Марклен Эрикович — доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Департамента межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Ленинские горы, 1; marklen@konurbaev.ru, ORCID: 0000-0003-4710-9444

Ганеева Эльвира Рустемовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Ленинградский проспект, 49; ellevira.ganeeva@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6473-6576

ABOUT THE AUTHORS:

Marklen E. Konurbaev — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Supervisor for the Department of Foreign Languages and

Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Leninskiye gory, 1; marklen@konurbaev.ru, ORCID: 0000-0003-4710-9444

Elvira R. Ganeeva — Cand. Sc. (Philology), Senior Teacher at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Leningradsky prospekt, 49; ellevira.ganeeva@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6473-6576

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.